

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

Par le fer ou le poison

Жюльетта
Бенцони

Искушение
ИСКУШЕННЫХ

Москва
«ЭКСМО»
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 46

Juliette Benzoni

PAR LE FER OU LE POISON

Copyright © Juliette Benzoni
Par le Fer ou Le Poison, 1973
Tous droits réservés

Перевод с французского *Е. Мурашкинцевой*
Художественное оформление *С. Ляха*

Бенцони Ж.

Б 46   Искушение искушенных / Жюльетта Бенцони ;
[пер. с фр. Е.Д. Мурашкинцевой]. — М. : Эксмо, 2014. —
512 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского
романа).

ISBN 978-5-699-68531-8

Во все времена стремление к любви и власти толкало людей на чудесные подвиги... и страшные преступления. Очаровательные девушки, стоило им оказаться при дворе, превращались в коварных мегер и начинали всеми правдами и неправдами пробивать себе дорогу на самый верх. Почтенные матери семейств отправляли к праотцам своих мужей и любовников, если те оказывались помехой к возжеленной цели. Самым громким и изощренным злодеянием прошлого посвящена книга знаменитой Жюльетты Бенцони.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Мурашкинцева Е., перевод на русский
язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-68531-8

Китайская Агриттина

(200 год до Р.Х.)

Стоящий на коленях гонец дрожал всем телом, уткнувшись лбом в песок садовой дорожки и не смея даже взглянуть на императрицу. А та не спешила с ответом. Сидя на мраморной скамье под сенью жасминовых кустов, она устремила отсутствующий взор на прозрачные волны реки Вэй, слегка поглаживая губами белую звездочку цветка.

Гонец едва дышал от страха и не смел поднять глаз на эту женщину с узким жестоким лицом, облаченную в расшитое золотом и драгоценными камнями шелковое платье. Под широкими рукавами императрица привычно прятала мозолистые ладони, настолько загрубевшие от тяжелой работы в молодости, что никакие ароматные масла и притирания не могли вернуть им прежние мягкость и белизну. Казалось, Люй забыла о вестнике, и несчастный благословлял ее молчание, которое дарило ему несколько лишних мгновений жизни: согласно обычаю, гонец с дурными вестями подлежал немедленной казни. А его вести были не просто плохими — великие боги, хуже их и быть ничего не могло!

Гонец словно бы вновь услышал свой собственный, сдавленный от ужаса голос:

— Великий император, возлюбленный Сын Неба, твой супруг и мой повелитель осажден в

крепости Пинчен. Он повелел сказать тебе, о Божественная, что, если ты не вышлешь ему подмогу, дикие хон ну, эти презренные рабы и демоны степей, овладеют его священной особою!

Когда гонец умолк, ему показалось, будто он уже чувствует на своей шее холодную сталь сабли. Однако Люй не торопилась предать его смерти. Она не заплакала, не вскрикнула, не возопила, призывая Небо в свидетели столь ужасного несчастья. Просто молча выслушала новость, сидя на своей мраморной скамье и вдыхая аромат жасмина, а лицо оставалось непроницаемым. Так продолжалось целую вечность...

Наконец императрица опустила взгляд на выкрашенный пурпурной краской затылок распростертого на песке гонца.

— Ступай! — произнесла она спокойным голосом. — Ступай и жди моих распоряжений. Мне нужно посоветоваться с богами. Но далеко не уходи. Возможно, ты мне еще понадобишься.

Оглушенный гонец, не смея верить своему счастью, попятился и стремительно уполз на четвереньках. Он так страшился, что Люй передумает!

Императрица осталась одна. Своих женщин она отослала в начале беседы и не стала их подзывать. Они шушукались теперь возле зарослей бамбука, а Люй поднялась, ступила на плитки из красной глазури, которыми была выложена дорожка, и медленно пошла вдоль реки. Императрица улыбалась, и если бы испуганный гонец мог увидеть эту улыбку, он понял бы, отчего его не отдали палачу: для Люй известие об опасности, нависшей над мужем, вовсе не было такой уж дурной новостью! Напротив, это была милость

Небес, ибо давала возможность как следует проучить супруга и уладить маленькое недоразумение, из-за которого император Лю Бан сильно повздорил с женой накануне своего похода к границам империи.

Все было просто: Лю Бан питал слабость к женскому полу, и однажды при нем стали расхваливать красоту девушки, принадлежавшей к высшей аристократии. Ее звали Мэй, и она была дочерью одного из самых могущественных вельмож. О ней говорили в таких восторженных тонах, что император потребовал прислать ее портрет и при этом воскликнул:

— Если она столь прекрасна, как рассказывают, я на ней женюсь!

У Люй тогда сжалось сердце, ибо она почувствовала ледяное дыхание разлуки. Разумеется, закон разрешал даже простым смертным — а уж тем более императору — иметь несколько жен, но слухи о красоте этой Мэй произвели слишком большое впечатление на Лю Бана, человека обычно весьма уравновешенного. Конечно, у него было много наложниц, однако до сих пор он ни разу не заговаривал о женитьбе. И Люй вознегодовала.

— У тебя есть супруга! — воскликнула она. — Это я! К чему тебе другая?

— Любой мужчина, у которого старая жена, имеет право заменить ее в постели молодой, — резонно ответил Лю Бан.

— Ты можешь взять сколько угодно наложниц! Пусть Мэй войдет в их число, но не тревожь ради нее богов!

— Она принадлежит к слишком знатному роду и не может быть наложницей наравне с кухарка-

ми и крестьянками. Если ее портрет придется мне по вкусу, я женюсь на ней!

К счастью, императору пришлось выступить в поход до того, как был доставлен пресловутый портрет. Дикие хон ну — на Западе их назовут «гуннами» — в очередной раз пересекли границу в 198 году до Рождества Христова, а Великая Стена, построенная по указу безжалостного императора Цинь Шихуанди ценой величайших мук, оказалась ни на что не годной и не смогла сдержать их натиск. На быстрых малорослых лошадках вооруженные грозными луками хон ну проникали повсюду, грабили и убивали, жгли деревни, поселки и города. Лю Бан выступил стремительно, доверив управление страной своей верной Люй, ибо хорошо знал ее мудрость и силу духа.

Вскоре после этого был доставлен портрет. Взглянув на него, Люй похолодела от ужаса. Девушка была даже красивее, чем о ней рассказывали. Ни один рожденный женщиною мужчина не смог бы устоять перед очарованием этого нежного лица, этих темных глаз, походивших на дикие сливы. Мэй словно бы воплощала собой самый совершенный тип китайской красоты, и императрица, проведя несколько трагических часов наедине с зеркалом из полированного серебра, вынуждена была признать, что, если муж хотя бы раз взглянет на эту юную оболстительницу, с Люй будет покончено навсегда. Ей останется только удалиться в какой-нибудь горный монастырь, облачившись в белые траурные одежды, дабы избежать худшей участи, поскольку дни ее может оборвать какая-нибудь хитроумная отравка.

С того ужасного мгновения Люй лихорадочно пыталась найти средство отвести от себя страшную угрозу. Гонец, сам того не подозревая, принес ей решение, которое она безуспешно искала в течение долгих ночей. Вот почему императрица не вскрикнула, не заплакала, не позвала палача. Вот почему она, неторопливо шествуя вдоль реки Вэй, улыбалась своим мыслям...

— Ты слишком долго был моим, — прошептала Люй, обращаясь к незримому Лю Бану, — и я тебя никому не отдам... даже если бы мне пришлось убить тебя собственными руками!

За тридцать лет до этих событий, когда Лю Бану и Люй было по двадцать, им казалось, что в жизни нет ничего лучшего, чем рисовые поля и бамбуковые хижины, оставленные им родителями. Оба они были молоды, сильны, по-деревенски красивы и, главное, крепко любили друг друга. Их поженили без всяких околичностей, в родной провинции Цзянсу, раскинувшейся вдоль огромной реки, чьи ласковые, а порой бурные волны определяли жизнь всех, кто жил на берегу.

Однако Лю Бан, хоть и был всего лишь неграмотным крестьянином, отличался умом, отвагой, жаждой власти и полным отсутствием совести. Он любил выпить и часто заглядывал в городские кабачки, куда сходились все новости. Там он и узнал в один прекрасный вечер, что началась смута и для предприимчивого человека открывается широкое поле деятельности. Лю Бан тогда засиделся допоздна у вдовы Ван, как обычно, много выпил и уснул, а наутро она сказала ему, будто во сне над головой его витал дракон.

— Это знак великой судьбы, — промолвила вдова Ван. — Ты далеко пойдешь, Лю Бан... но ты должен поменьше пить!

Лю Бан поверил пророчеству старухи и решился на осуществление грандиозного плана — завоевать для себя царство. В сущности, бесхозные царства буквально валялись под ногами после смерти Шихуанди — неукротимого императора, истинного китайского Цезаря, которому удалось собрать воедино обломки некогда могучей державы, распавшейся в слабых руках последних представителей династии Чу. Шихуанди держал Китай в железном кулаке, преследовал вольнодумцев и строил Великую Стену. Но вот он умер — и его абсолютная власть исчезла вместе с ним. Наследник оказался неспособным к правлению и через три года покончил с собой. В стране началась ужасающая анархия, и военные вожди вступили в ожесточенную схватку за провинции, предавая все вокруг огню и мечу.

Итак, Лю Бан решил расстаться с прежней деревенской жизнью и для начала поступил на службу в полицию своего округа. Работа была грязной, но предоставляла большие возможности. Однажды ему поручили доставить в город несколько десятков преступников, скованных цепями и шейными колодками. Он остановил свой жалкий отряд в рощице и произнес речь, приготовить которую не составляло большого труда: желают ли они непременно попасть в город, чтобы участвовать в собственной казни, или предпочитают уйти вместе с ним в горные пещеры, чтобы самим позаботиться о себе?

До этого момента перед осужденными стоял лишь один, не слишком радостный выбор — быть

распиленными между двумя досками или заживо сваренными в кипящем масле. Поэтому они не колебались ни единой секунды и поклялись в вечной верности своему благодетелю. Слово свое они сдержали. Как говорил поэт, «Лю Бан окропил кровью свой барабан и выбрал красный цвет для своего штандарта...».

Он был умен, по-своему человечен и хорошо понимал нужды людей, поэтому армия его быстро росла, и в 208 году он уже владел небольшой провинцией Хань, которую взял под свое «покровительство». С этого момента он мог рассчитывать на то, что станет преемником китайского Цезаря.

Но между императорской короной и честолюбивым крестьянином находилась преграда, внушительная со всех точек зрения, — Сян Юй, владыка Сычуани, человек безумной отваги, но при этом жестокий, развратный и безмозглый. К несчастью, Сян Юй, хоть и был глупее мухи, умел драться. Когда Лю Бан завоевал императорскую провинцию Шэньси и обрел там многих сторонников, ему пришлось стремительно отступить под натиском превосходящих сил противника, опустошивших всю округу.

Это было бы еще полбеды, но Сян Юй захватил в плен отца Лю Бана и угрожал «сварить заживо» старика, если сын его не сдастся. Подобная угроза означала, что Сян Юй совершенно не понимал, с кем имеет дело, ибо Лю Бан прислал невозмутимый ответ: «Было время, когда Сян Юй был моим братом по оружию и мой отец стал его отцом. Если он и впрямь намерен сварить заживо нашего отца, пусть не забудет прислать мне чашечку бульона».

Надо сказать, что в самом начале войны будущие враги действительно объединились в борьбе с другими полководцами, однако подобное хладнокровие настолько поразило суеверного Сян Юя, что он приказал отпустить старика, даже не потребовав выкупа. Разумеется, Лю Бан был счастлив увидеть отца живым и невредимым, но желание поквитаться с Сян Юем за пережитый страх только возросло. Он напал на него со всей армией и вынудил отступить к реке Вэй. Проявив чудеса доблести, Сян Юй много раз прорывался сквозь вражеские ряды со своей кавалерией, убил собственной рукой одного из полководцев Лю Бана, но наконец был окружен и уже не мог сопротивляться, истекая кровью от десятка ран. Увидев Лю Бана, он вытащил кинжал и воскликнул:

— Я знаю, что ты назначил награду за мою голову! Так забирай ее!

С этими словами он перерезал себе горло. Что и говорить, этот Сян Юй был настоящим героем — жаль только, что мозгов у него совсем не было!

С тех пор у Лю Бана не осталось соперников. Императорская корона досталась ему вместе с провинцией Шэньси и прекрасным городом Чанань. Это произошло в 206 году. Люй стала императрицей, и не было пределов ее гордости, которая намного превзошла радость супруга, — сам основатель династии, казалось, вовсе не был удивлен своим невиданным восхождением на вершину власти.

Начало, впрочем, оказалось трудным: чтобы вознаградить тех, кто помог ему завладеть тронном, Лю Бану пришлось даровать им обширные владения и притвориться, будто он хочет восста-

новить феодальное правление, разгромленное императором Шихуанди. Однако Лю Бан, как и подобает хитрому крестьянину, одной рукой давал, а другой забирал, используя малейший предлог, чтобы смещать этих провинциальных вельмож. Ему удалось полностью приручить знать: аристократы стали придворными и лишились реального веса. Но сколько же приходилось лавировать! Лю Бан считал, что достоин вознаграждения, и потому решил сделать восхитительную Мэй своей супругой...

На следующий день гонец снова отправился в путь. Радость от того, что ему оставили жизнь, успела несколько померкнуть: ведь его послали не к императору, а во вражеский стан. Он должен был вручить предводителю хон ну пресловутый портрет вкупе с обещанием отдать ему прекрасную девушку, если будет снята осада с крепости, где находился Лю Бан. И несчастный гонец полагал, что варвар прикажет разрубить его на мелкие кусочки за столь дерзкое предложение — получить вместо императора девушку!

Однако Люй оказалась права: перед красотой Мэй мужчины не могли устоять. Ослепленный страстью гунн принял условия сделки и снял осаду с Пинчена в тот самый момент, когда к нему доставили китайскую принцессу. Поэты долго оплакивали потом «бедную китайскую горлицу», отданную на растерзание «дикому северному ястребу», но зато Лю Бан благополучно вернулся в свою столицу и свой дворец на берегу реки Вэй.

В день встречи мужа Люй пришлось призвать на помощь все свое мужество. Как отнесется Лю

Бан к тому, что в лапы гунна отдали девушку, которую он намеревался заполучить сам? Но когда Люй, скрестив руки на груди, склонилась в униженном поклоне перед императором, тот наградил ее насмешливой улыбкой.

— Ты воистину моя жена! — сказал он. — Такая уловка вполне достойна меня! Ты сумела укротить грозных хон ну, которые вернулись в свои степи, и нам это не стоило ни единой капли крови!

В императорской семье на время воцарился мир, но, к несчастью, склонность Лю Бана к красивым девушкам ничуть не уменьшилась — с возрастом он все более тянулся к молодым. В один прекрасный день он влюбился в девушку из южных краев, которую евнухи доставили в его гарем. Ци не принадлежала к знатному роду, но она была так прекрасна собой, что дряхлеющий император воспылал к ней настоящей страстью. И через девять месяцев Ци родила сына, названного Жу И.

Люй поначалу не сильно беспокоилась, но затем растущее влияние Ци встревожило ее. Покои фаворитки были убраны роскошнее, чем у самой императрицы. Лю Бан дарил ей усыпанные драгоценностями наряды, а по случаю рождения первенца устроил такие торжества, что Люй переполошилась не на шутку и даже решила признаться в своих страхах старинному другу Сяо Хо, одному из наиболее влиятельных министров.

— К чему весь этот блеск, все эти празднества? — спрашивала она. — Император ведет себя так, будто у него никогда не было сыновей. Разве он забыл, что я родила ему Лю Иня, который с каждым днем становится сильнее и умнее?

— Кто может предугадать прихоти человека, столь близкого к вечному сну, о Божественная? Великий император без ума от этой девчонки!

Министр старался не смотреть на Люй, было ясно, что он что-то недоговаривает. Однако императрица всегда добивалась своего. Увидев, что Сяо Хо либо не хочет, либо не может сказать больше, она призвала к себе старшего евнуха. Этот алчный и хитрый человек уже давно был ее союзником, что обошлось ей в немалую сумму денег.

— Что говорят в гареме? — спросила Люй. — Что говорят о Ци и ее младенце?

— Ничего особенного не говорят, о Божественная, но...

— Продолжай!

В ее руках, словно по мановению волшебной палочки, появился кошель с золотом, и лунообразное лицо старика-евнуха немедля осветилось улыбкой.

— Но сама Ци не помнит себя от радости. Она утверждает, что после смерти императора станет самой могущественной женщиной царства, ибо на троне будет сидеть ее сын!

— Ее сын?! Только Лю Инь может наследовать престол... и он уже мужчина! У других наложниц тоже рождались сыновья. Неужели император лишился рассудка?

— Влюбленный не имеет разума и живет одними чувствами. Ци уверена, что завладела душой великого императора. Он без ума от нее. Говорят, он дал ей клятву, что после его смерти царство перейдет к ее сыну.

— После его смерти...